

ЧАСТЬ 1

ОКСФОРД

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ГРАФИН ТОКАЯ

Ли́ра со своим деймоном тихо двигались по полутемному Залу, держась поближе к стене, чтобы их не увидели из Кухни. Три больших стола, тянувшиеся по всей длине Зала, были уже накрыты, серебро и хрусталь на них поблескивали в сумерках; длинные скамьи ждали гостей. На стенах, теряясь в тени, висели портреты бывших Магистров. Ли́ра подошла к помосту, оглянулась на открытую кухонную дверь и, никого не увидев за ней, поднялась на помост к верхнему столу. Здесь приборы были золотые, а не серебряные, и вместо дубовых скамеек стояли четырнадцать стульев красного дерева с бархатными подушками. Ли́ра подошла к креслу Магистра и щелкнула по бокалу ногтем. По Залу разнесся прозрачный звон.

— Ведешь себя легкомысленно, — шепнул ей деймон. — Будь серьезней.

Ее деймона звали Пантелеймон, и сейчас он принял вид мотылька, темно-коричневого, чтобы быть не слишком заметным в сумрачном Зале.

— Там шумно на Кухне, — прошептала в ответ Ли́ра. — А Стюард до первого звонка не появится. Перестань нервничать.

Тем не менее она приложила ладонь к звеневшему еще бокалу, а Пантелеймон порхнул дальше, в приоткрытую дверь Комнаты Отдыха по другую сторону от помоста. Через секунду он вернулся.

— Там никого, — шепнул он. — Но надо спешить.

Пригнувшись за высоким столом, Ли́ра шмыгнула в Комнату Отдыха, выпрямилась там и огляделась. Единственным источником света здесь был камин; на глазах у нее пылающие поленья слегка осели, выбросив в дымоход фонтан искр. Почти всю жизнь она прожила в Колледже, но еще ни разу не видела Комнату Отдыха: сюда допускались только Ученые и их гости, женщины — никогда. Здесь даже служанки не могли убирать — только Дворецкий.

Пантелеймон сел ей на плечо.

— Ну, довольна? Можем идти? — прошептал он.

— Глупости! Я хочу посмотреть!

Это была большая комната с овальным полированным столом, на котором стояли раз-

ные графины и бокалы и серебряный курительный прибор с коллекцией трубок. Рядом, на буфете, — жаровня и корзина с коробочками мака.

— Уютно устроились, а, Пан? — шепотом сказала Лира.

Она опустила в зеленое кожаное кресло, оказавшееся таким глубоким, что в нем можно было почти лежать. Лира села, подобрав под себя ноги, и окинула взглядом портреты на стене. Тоже, наверное, старики-Ученые: в мантиях, бородатые и хмурые, они смотрели на нее с неодобрением.

«Как думаешь, о чем они тут разговаривают?» — хотела спросить Лира, но не успела: за дверью послышались голоса.

— За кресло, живо! — шепнул Пантелеймон, и Лира, выскочив из кресла, присела за ним. Укрытие было не из лучших: она предпочла бы кресло в середине комнаты — а здесь стоит только шелохнуться...

Дверь открылась, в комнате стало светлее — кто-то из вошедших принес лампу и поставил на буфет. Лира видела его ноги в темно-зеленых брюках и черных начищенных туфлях. Слуга.

Раздался низкий голос:

— Лорд Азриэл еще не прибыл?

Это был Магистр. Лира, затаив дух, увидела, как деймон слуги (собака, как почти у всех слуг) подбежал к его ногам и уселся, а потом показали и ноги Магистра, как всегда в поношенных черных туфлях.

— Нет, Магистр. И никаких известий из Аэродока.

— Полагаю, он будет голоден. Проводите его прямо в Зал, хорошо?

— Слушаюсь.

— Вы налили для него графин особого токайского?

— Да, Магистр. Урожая тысяча восемьсот девяносто восьмого года, как вы приказали. Его светлость очень любят это вино.

— Хорошо. Теперь можете идти.

— Лампа нужна, Магистр?

— Да, лампу оставьте. Во время обеда не забудьте, пожалуйста, поправлять фитиль.

Дворецкий слегка поклонился и пошел к двери; его деймон послушно затрусил следом. Из своего ненадежного укрытия Лира видела, как Магистр подошел к большому дубовому гардеробу в углу, снял с вешалки мантию и с трудом надел. Магистр был человек могучего сложения, но ему давно перевалило за семьдесят, и все движения его были медленными и скованными. Деймон Магистра имел облик ворона и, как только мантия была надета, спрыгнул с гардероба и, по обыкновению, уселся на правом плече.

Лира чувствовала, что Пантелеймон вне себя от тревоги. Сама же она ощущала приятное волнение. Гость, упомянутый Магистром, лорд Азриэл, приходился ей дядей, она им восхищалась и очень боялась его. По слухам, он имел касательство к высокой политике, секретным исследованиям, к войне в отдаленных краях и появлялся в колледже всякий раз неожиданно. Он был суров, и, если бы застиг ее здесь, не избежать было бы тяжелого наказания. Но Лиру это не смущало.

И тут она увидела такое, что забыла обо всем.

Магистр достал из кармана сложенную бумажку и положил на стол. Потом вынул из графина с золотистым вином пробку и, расправив бумажку, высыпал из нее в графин белый порошок, после чего бумажку скомкал и выбросил в огонь. Потом вытащил из кармана карандаш, размешал им вино, чтобы полностью растворился порошок, и заткнул графин.

Его деймон тихонько каркнул. Магистр что-то ответил вполголоса и, прежде чем выйти,

взглядом из-под нависших бровей обвел комнату. Лира шепнула:

— Ты видел, Пан?

— Конечно, видел! Скорей уходим, пока Стюард не пришел!

Но тут в дальнем конце Зала коротко прозвенел колокольчик.

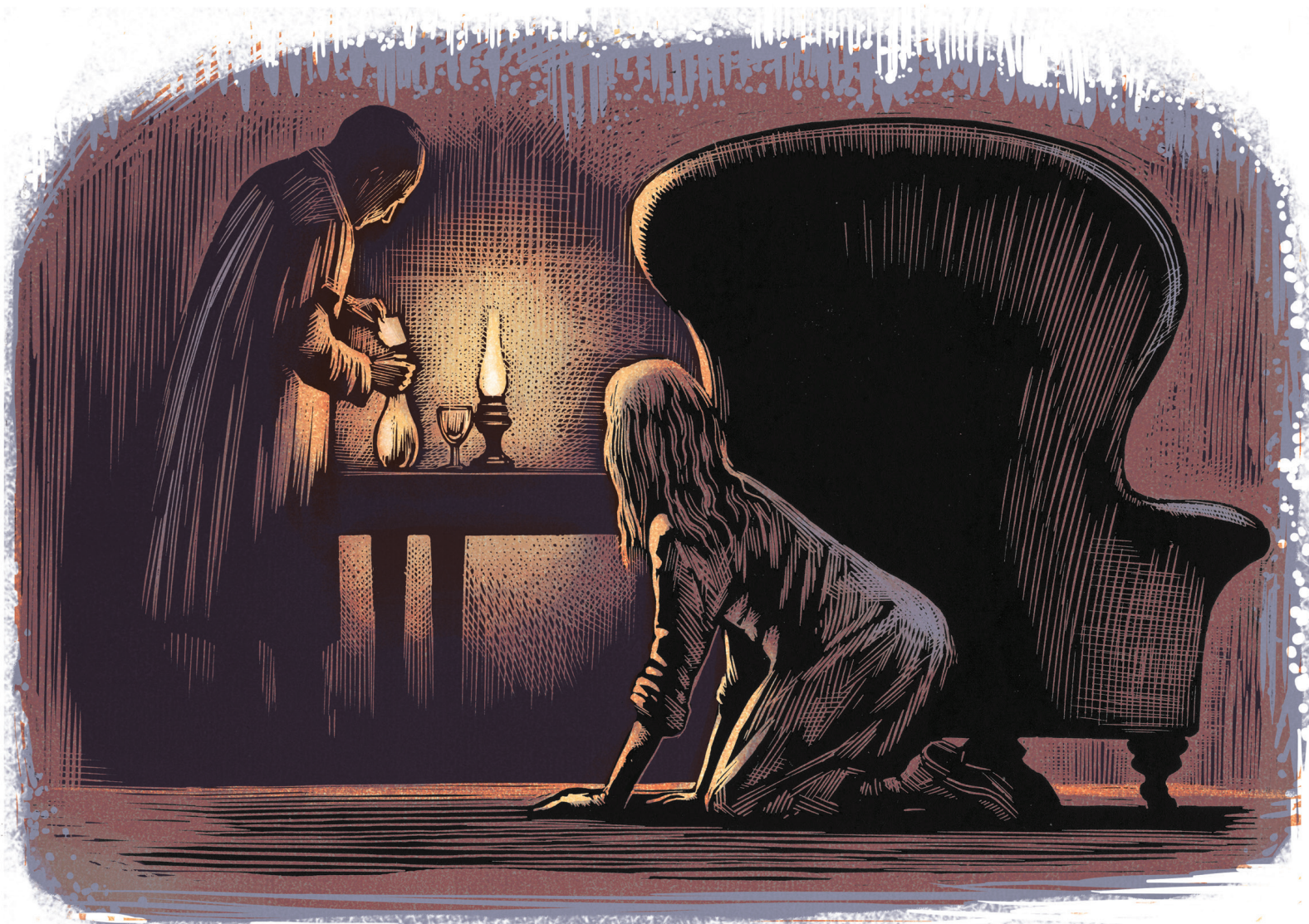
— Это Стюард! — сказала Лира. — Я думала, у нас больше времени.

Пантелеймон быстро подлетел к двери Зала и сразу вернулся.

— Стюард уже там, — сказал он. — А через другую дверь не выйдешь...

Другая дверь — куда ушел Магистр — вела в оживленный коридор между Библиотекой и Комнатой Отдыха Ученых. Сейчас там было полно людей, они надевали мантии к обеду или спешили в Общую Комнату, оставить свои бумаги и портфели перед тем, как идти в Зал. А Лира намеревалась уйти обратно через Зал, рассчитывая, что у них еще есть несколько минут до звонка.

И если бы она не увидела, как Магистр сыплет в вино порошок, то, может быть, и рискнула бы рассердить Стюарда или незаметно просмыгнуть по людному коридору. Но она была растеряна и не знала, что делать.

Она услышала тяжелые шаги по помосту. Стюард шел сюда — убедиться, что вино и мак готовы для послеобеденного отдыха Ученых. Лира кинулась к дубовому гардеробу, залезла в него и закрыла дверь как раз в ту секунду, когда вошел Стюард. За Пантелеймона она не опасалась: стены в комнате были темные, и он всегда мог спрятаться под креслом.

Она услышала свистящее дыхание Стюарда и через щелку неплотно прикрытой дверцы увидела, как он поправляет курительные трубки и осматривает графины и бокалы. Потом он пригладил ладонями волосы на висках и что-то сказал своему деймону. Он был слугой, а деймон его — собакой. Но слуга он был высшего разряда, и собака — тоже. Деймон его имел вид рыжего сеттера. Он что-то подозревал и бегал по комнате, словно почуяв непрошеного гостя, но, к большому облегчению Лире, гардеробом не заинтересовался. Лира боялась Стюарда, который ее дважды бил.

Она услышала тихий шепот; видимо, Пантелеймон пролез к ней.

— Теперь придется сидеть здесь. Почему ты меня не слушаешься?

Она не отвечала, пока не ушел Стюард. Его обязанностью было обслуживать верхний стол; она услышала, как входят в Зал Ученые, гул голосов, шарканье ног.

— И хорошо, что не послушалась, — прошептала она в ответ. — Иначе не увидели бы, что Магистр отравил вино. Это ведь токай, про который он спрашивал Дворецкого! Они хотят убить лорда Азриэла!

— Почем ты знаешь, что это яд?

— Конечно, яд. Ты же помнишь, он велел Дворецкому уйти до того, как высыпал? Если бы не яд, он бы сделал это при Дворецком. Я знаю, тут что-то затевается — что-то

политическое. Слуги об этом который день говорят. Пан, мы можем предотвратить убийство!

— В жизни не слышал такой чепухи. Как ты высидишь четыре часа в этом душном гардеробе? Дай-ка вылезу, загляну в коридор. Скажу тебе, когда там будет пусто.

Он вспорхнул с ее плеча и маленькой тенью мелькнул перед освещенной щелкой.

— Напрасно, Пан, я остаюсь, — сказала она. — Тут еще какая-то мантия. Положу ее на пол и устроюсь поудобней. Я должна увидеть, чем они занимаются.

Она осторожно поднялась с корточек и, стараясь не шуметь, пошарила вокруг. Гардероб оказался просторнее, чем она думала. Здесь висело еще несколько мантий, по большей части шелковых, некоторые — оторочены мехом.

— Интересно, это все — Магистра? — прошептала она. — Когда ему дают ученые степени в других местах, наверное, дают и красивые мантии, а он их тут держит и наряжается... Пан, ты правда думаешь, что там не яд?

— Нет, — ответил он. — Я тоже думаю, что яд. И думаю, что это не наше дело. И думаю, что из всех твоих глупостей это будет самая большая, если ты встрянешь. Нас это не касается.

— Ерунда, — сказала Лира. — Буду сидеть здесь и смотреть, как его отравляют?

— А ты не сиди здесь.

— Ты трус, Пан.

— Конечно, трус. Позволь спросить — ты что задумала? Выскочишь и выхватишь бокал из его дрожащих пальцев? Какой твой план?

— Нет у меня плана, ты прекрасно это знаешь, — тихо огрызнулась она. — Но я видела, что сделал Магистр, и теперь у меня нет выбора. Ты ведь, наверное, слышал про совесть? Могу я сидеть в Библиотеке или еще где и ковырять

в носу, зная, что тут творится? Да ни за что, можешь быть уверен.

— Ты с самого начала это задумала, — сказал он, помолчав. — Хотела спрятаться тут и подсматривать. Как же я раньше не догадался?

— Ну, хотела. Все знают, что тут у них какие-то секреты. Какой-то ритуал или еще что. И я хотела узнать.

— Не наше это дело! Хотят секретничать — пусть их, а ты будь выше этого. Прячутся и шпионят только глупые дети.

— Знала, что ты так и скажешь. Хватит занудничать.

Оба замолчали. Лире было неудобно сидеть на жестком полу гардероба, а недовольный ее упрямством Пантелеймон трогал своим временным усиком одну из мантий. Противоречивые мысли теснились в голове у Лире, и больше всего на свете ей хотелось поделиться ими со своим деймоном, но мешала гордость. Ничего, попробует разобраться в них без его помощи.

На первом месте была тревога, и тревожилась она не за себя. В неприятности она попадала часто и привыкла к ним. Сейчас она тревожилась за лорда Азриэла и не понимала, что все это значит. Он не часто посещал Колледж, а времена сейчас были напряженные, и вряд ли он явился только для того, чтобы поесть, выпить и покурить со старыми друзьями. Она знала, что и лорд Азриэл, и Магистр были членами Государственного Совета, особого консультативного органа при премьер-министре, так что приезд его мог быть связан с этим, — но Совет заседал во Дворце, а не в Комнате Отдыха Иордан-колледжа.

И уже не первый день слуги перешептывались вот о чем: тартары якобы вторглись в Московию и устремились на север к Санкт-Петербургу. Они получают господство над Балтийским морем и в конце концов захватят весь запад Ев-

ропы. А лорд Азриэл был на далеком Севере: когда она видела его в прошлый раз, он готовил экспедицию в Лапландию...

— Пан, — прошептала она.

— Что?

— Ты думаешь, будет война?

— Нет пока. Лорд Азриэл не обедал бы здесь, если бы ее ждали на будущей неделе.

— Вот и я так подумала. Позже?

— Тсс! Кто-то идет.

Она села прямо и заглянула в щелку. Шел Дворецкий, поправить лампу, как велел Магистр. Общая Комната и Библиотека освещались безвоздушными антарными лампами, но в Комнате Отдыха ученые предпочитали более мягкий свет старинных гарных ламп. При жизни этого Магистра их не заменят.

Дворецкий подвернул фитиль, подложил полено в камин, после чего, прислушавшись у двери в Зал, вытащил из курительного прибора горсть листьев.

Не успел он закрыть крышку, как повернулась ручка другой двери, заставив его вздрогнуть. Лира едва удержалась от смеха. Дворецкий поспешно запихнул листья в карман и повернулся к вошедшему.

— Лорд Азриэл! — сказал он, и у Лире холодок пробежал по спине. Отсюда он не был виден, и она с трудом победила искушение выглянуть.

— Добрый вечер, Рен, — сказал лорд Азриэл. Этот резкий голос всегда был приятен Лире, но и немного пугал ее. — Я опоздал к обеду. Пожми здесь.

Дворецкий чувствовал себя неловко. В Комнату Отдыха гости входили только по приглашению Магистра, и лорд Азриэл это знал. Но, заметив, что лорд Азриэл подчеркнуто смотрит на его оттопыренный карман, Дворецкий решил не возражать.

— Доложить Магистру, что вы прибыли, милорд?

— Не имею ничего против. И принесите мне кофе.

— Хорошо, милорд.

Дворецкий поклонился и торопливо вышел; его деймон послушно затрусил за ним. Дядя Лира подошел к камину, потянулся и зевнул, как лев. На нем была дорожная одежда. Страх, который ощущала Лира при каждой встрече с ним, вернулся и на этот раз. О том, чтобы улизнуть незаметно, не могло быть и речи; приходилось сидеть и ждать.

Деймон лорда Азриэла, снежный барс, стоял с ним рядом. Он тихо спросил:

— Здесь будешь показывать снимки?

— Да. Меньше будет суеты, чем в Лекционном Театре. И они захотят посмотреть образцы; сейчас пошлю за Швейцаром. Неудачное время, Стелмария.

— Тебе надо отдохнуть.

Он расположился в кресле, и Лира уже не видела его лица.

— Да, да. И переодеться. Тут, наверно, какой-нибудь древний этикет, могут оштрафовать на дюжину бутылок за то, что пришел в неподобающем виде. И поспать бы надо дня три. Все дело в том...

В дверь постучали, вошел Дворецкий с кофейником и чашкой на серебряном подносе.

— Спасибо, Рен, — сказал лорд Азриэл. — Там у вас токай на столе?

— Магистр приказал налить специально для вас, милорд, — ответил Дворецкий. — Осталось всего три дюжины бутылок девяносто восьмого года.

— Все хорошее кончается. Поставьте поднос сюда, поближе. Да, и попросите Швейцара прислать два ящика, которые я оставил при входе.

— Сюда, милорд?

— Да, сюда, пожалуйста. И мне понадобится экран и проекционный фонарь — тоже сюда и тоже сейчас.

Дворецкий чуть не раскрыл рот от удивления, но совладал с собой и воздержался от дальнейших вопросов или возражений.

— Рен, вы забываетесь, — сказал лорд Азриэл. — Не задавайте вопросов, делайте, что вам сказано.

— Хорошо, милорд, — ответил Дворецкий. — Но, если позволите, я доложу мистру Коусону о ваших намерениях, милорд, иначе это будет для него неожиданностью. Поймите меня.

— Ладно. Доложите.

Коусоном звали Стюарда. Соперничество между ним и Дворецким началось давно и не утихало. Стюард был старше по положению, но у Дворецкого было больше возможностей расположить к себе Ученых, и ни одной из них он не упускал. Ему будет приятно показать Стюарду, что он лучше осведомлен обо всем, происходящем в Комнате Отдыха.

Он поклонился и вышел. Лира видела, как дядя налил чашку кофе и разом выпил, потом налил другую и стал отпивать медленнее. Она сгорала от любопытства: ящики с образцами? Проекционный фонарь? Что это такое важное и срочное он хочет показать Ученым?

Лорд Азриэл встал и отвернулся от камина. Теперь она видела его во весь рост и удивлялась, насколько он отличается от пухлого Дворецкого, от сутулых, медлительных Ученых. Лорд Азриэл был высок и широкоплеч, глаза на суровом смуглом лице сверкали свирепым весельем. Это было лицо человека, которому можно только подчиняться или противостоять, — человека, который не потерпит ни покровительства, ни жалости. Все движения его были свободными и гармоничными, как у дикого животного,

и, оказавшись в такой комнате, он напоминал дикое животное, запертое в тесной клетке.

Сейчас его лицо было задумчиво и сосредоточенно. Его деймон подошел к нему и прислонился головой к его поясу, а он, посмотрев на него невидящим взглядом, шагнул к столу. У Леры что-то оборвалось в животе: лорд Азриэл вынул пробку из графина с токаем и наливал себе бокал.

— Нет! — Тихий крик вырвался у нее невольно. Лорд Азриэл услышал и обернулся.

— Кто здесь?

Лира уже не владела собой. Она выскочила из гардероба, подбежала и выхватила бокал из его руки. Вино пролилось на край стола и на ковер, бокал упал и разбился. Дядя схватил ее за руку и больно вывернул.

— Лира! Какого черта ты здесь делаешь?

— Отпустите меня, скажу!

— Я тебе руку оторву. Как ты смела сюда войти?

— Да я вам жизнь спасла!

Оба на мгновение умолкли; девочка корчилась от боли и гримасничала, чтобы не закричать во весь голос, а дядя смотрел на нее сверху, нахмурясь, как грозовая туча.

— Что ты сказала? — произнес он спокойнее.

— Вино отравлено, — выдавила она сквозь зубы. — Я видела, как Магистр насыпал в него порошок.

Он разжал руку. Лира опустилась на пол, и взволнованный Пантелеймон сел ей на плечо. Дядя смотрел на нее со сдерживаемой яростью, и она не осмелилась встретить его взгляд.

— Я просто зашла посмотреть, как выглядит комната, — сказала Лира. — Я знала, что нельзя. Хотела сразу уйти, пока никого нет, но тут услышала Магистра, и деться было некуда. Только спрятаться в гардеробе. И увидела, как он сыплет порошок в вино. Если бы я не...

В дверь постучали.

— Это Швейцар, — сказал лорд Азриэл. — Быстро в шкаф. Только шелохнись там — пожалеешь, что родилась на свет.

Она кинулась туда и едва успела закрыть за собой дверцу, как лорд Азриэл крикнул: «Войдите».

Как он и сказал, это был Швейцар.

— Да, милорд?

Старик нерешительно остановился в дверях, а позади него виднелся угол большого деревянного ящика.

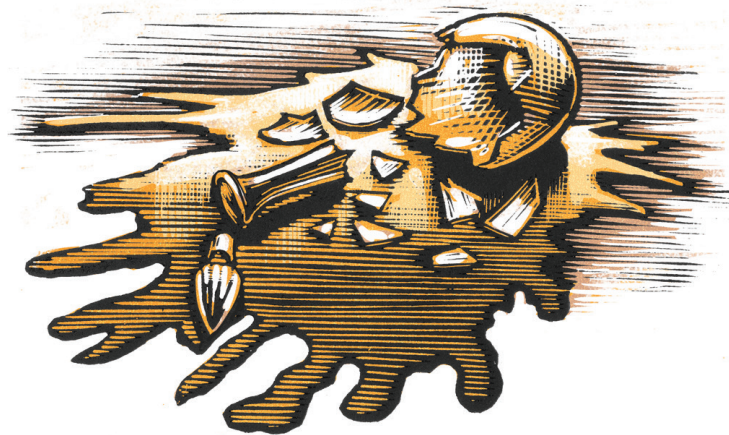
— Да, Шутер, — сказал лорд Азриэл. — Заносите оба и поставьте у стола.

Лира немного успокоилась и только теперь позволила себе почувствовать боль в плече и запястье. Она могла бы и заплакать, если бы была из тех девочек, которые плачут. Но она только стиснула зубы и слегка пошевелила рукой, чтобы отпустила боль.

Раздался звон разбитого стекла и звук разлившейся жидкости.

— Черт возьми, Шутер, старый растяпа! Смотри, что ты наделал!

Лира увидела. Дядя сшиб со стола графин с токаем и сделал вид, что зацепил его Швейцар. Старик осторожно опустил ящик и стал извиняться.

— Простите, милорд... он, должно быть, оказался ближе, чем я думал...

— Уберите это безобразие. Скорее, пока не промок ковер!

Швейцар и его молодой помощник поспешно удалились. Лорд Азриэл подошел к гардеробу и вполголоса сказал:

— Раз уж ты здесь, пусть от тебя будет польза. Когда придет Магистр, внимательно следи за ним. Если заметишь что-то интересное и скажешь мне, постараюсь, чтобы твой проступок остался без последствий. Понятно?

— Да, дядя.

— Зашумишь тут — я тебе не помогу. Сама ответишь.

Он отошел и снова стал спиной к камину; тут же появился Швейцар со щеткой, совком для стекла и тазиком с тряпкой.

— Могу только повторить, милорд: я очень виноват, не знаю, как мне...

— Просто уберите это.

Как только Швейцар начал собирать тряпкой вино с ковра, постучался Дворецкий и вошел вместе со слугой лорда Азриэла, Торольдом. Они несли тяжелый ящик из полированного дерева с медными ручками, но, увидев, чем занят Швейцар, остановились как вкопанные.

— Да, это токай, — сказал лорд Азриэл. — Жалко. Принесли фонарь? Поставьте, пожалуйста, ближе к шкафу, Торольд. Я повешу экран напротив.

Лира поняла, что через щелку ей будет виден экран и все, что на нем покажут. Интересно, подумала она, специально ли для этого дядя поставил так фонарь. Под шум приготовлений —

слуга разворачивал жесткое полотно и натягивал на раму — она шепнула:

— Видишь? Не зря, значит, пришли?

— Может, не зря, — сухо произнес Пантелеймон тонким мотыльковым голосом. — А может, зря.

Лорд Азриэл стоял возле камина, попивая кофе, и угрюмо наблюдал за Торольдом, который раскрыл ящик проекционного фонаря, снял крышку с объектива и проверил уровень керосина в бачке.

— Керосина достаточно, милорд, — сказал он. — Вызвать техника для демонстрации?

— Нет. Буду показывать сам. Спасибо, Торольд. Они уже пообедали, Рен?

— Кажется, заканчивают, милорд, — ответил Дворецкий. — Если я правильно понял мистера Коусона, Магистр и его гости не станут мешкать, услышав, что вы здесь. Унести поднос?

— Унесите.

— Хорошо, милорд.

Дворецкий с легким поклоном взял поднос и вышел, а за ним Торольд. Как только дверь за ними закрылась, лорд Азриэл повернулся к гардеробу, и Лира ощутила силу его взгляда, как что-то почти физическое, словно он был стрелой или копьем. Потом он отвернулся и что-то сказал своему деймону. Деймон подошел к нему и спокойно сел рядом, изящный, грозный, настроженный; он обвел взглядом комнату, а потом его зеленые глаза и черные глаза лорда одновременно обратились к двери, где щелкнула ручка. Лира двери не видела, но услышала удивленный вздох вошедшего.

— Магистр, — сказал лорд Азриэл. — Да, я вернулся. Ведите ваших гостей — я покажу вам кое-что интересное.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ИДЕЯ СЕВЕРА

— Лорд Азриэл, — торжественно произнес Магистр и пожал ему руку. Из своего укрытия Лира следила за глазами Магистра — и действительно, он сразу бросил взгляд на стол, туда, где раньше стоял графин с вином.

— Магистр, — сказал лорд Азриэл. — Я приехал поздно, не хотел мешать вашему обеду, поэтому расположился здесь. Здравствуйте, Проректор. Рад видеть вас в добром здравии. Извините за неопрятный вид, я только что высадился. Да, Магистр, токай погиб. Боюсь, вы в нем стоите. Швейцар уронил его, но это моя вина. Здравствуйте, Капеллан. Прочел вашу последнюю статью с большим интересом...

Он отошел с Капелланом в сторону, так что теперь Лира хорошо видела лицо Магистра. Оно было невозмутимо, но деймон на его плече нахохлился и беспокойно переступал с ноги на ногу. Лорд Азриэл был уже в центре всеобщего внимания, и, хотя всячески проявлял любезность по отношению к Магистру, ясно было, за кем сила.

Ученые здоровались с гостем и разбредались по комнате, кто-то садился за стол, кто-то в кре-

сла, и вскоре комнату наполнил гул голосов. Лира видела, что они заинтригованы большим ящиком, экраном и фонарем. Она хорошо знала Ученых: Библиотекаря, Проректора, Исследователя и остальных; эти люди окружали ее всю жизнь, учили ее, наказывали, утешали, сгоняли с фруктовых деревьев в Саду, дарили ей маленькие подарки; другой семьи у нее не было. Она, наверно, и считала бы их семьей, если бы знала, что такое семья, — хотя, если бы знала, отнеслась бы так скорее к слугам Колледжа. У Ученых были дела поважнее, чем потакать прихотям диковатой девочки, попавшей сюда по случайности.

Магистр зажег спиртовку под маленькой серебряной жаровней и растопил в ней масло, после чего срезал пяток маковых коробочек и высыпал туда мак. После Трапезы всегда подавали мак: он прояснял ум, оживлял речь и способствовал содержательной беседе. По традиции его готовил сам Магистр.

В комнате стоял гомон, шипело разогретое масло, и, пользуясь этим, Лира стала устраи-

ваться поудобнее. Она осторожно сняла с вешалки длинную меховую мантию и разложила на полу гардероба.

— Надо было взять колючую, — прошептал Пантелеймон. — А то на мягкой уснешь.

— Усну — тогда ты меня разбудишь.

Она села и прислушалась к разговору. Ужасно скучному, кстати: все про политику, притом лондонскую политику, хоть бы что интересное про тартар. Приятные запахи табака и поджаренного мака проникали в гардероб, и Лира то и дело начинала клевать носом. Наконец кто-то постучал по столу. Голоса смолкли, и заговорил Магистр.

— Джентльмены, от лица всех присутствующих я приветствую лорда Азриэла. Визиты его к нам редки, но всякий его визит — событие, и, насколько я понимаю, сегодня он намерен рассказать нам что-то чрезвычайно интересное. Как нам всем известно, в международных делах сейчас очень большая напряженность; завтра утром лорда Азриэла ожидают в Уайтхолле, и поезд с разведенными парами уже ждет его, чтобы отвезти в Лондон, как только закончится наше собрание. Поэтому распорядимся временем разумно. Когда он закончит доклад, полагаю, будут вопросы. Пусть они будут краткими и по существу. Лорд Азриэл, вы готовы начать?

— Благодарю вас, Магистр, — сказал лорд Азриэл. — Для начала я хочу показать вам несколько новых слайдов. Проректор, думаю, вам лучше всего будет видно отсюда. Может быть, вам, Магистр, удобнее будет занять кресло у гардероба?

Старик Проректор был почти слеп, и лорд Азриэл всего лишь проявил вежливость, предложив ему место поближе к экрану. Это означало, что Магистру придется сесть рядом с Би-

блиотекарем, в каком-нибудь метре от убежища Леры. И она услышала, как он проворчал, усаживаясь в кресло:

— Дьявол! Он знал о вине, не сомневаюсь.

Библиотекарь ответил вполголоса:

— Он будет просить фондов. Если потребует голосования...

— Мы должны возражать, употребив все наше красноречие.

Послышалось шипение — это лорд Азриэл подкачал проекционный фонарь. Лира слегка передвинулась, чтобы увидеть экран, на котором уже появился белый круг света. Лорд Азриэл сказал:

— Нельзя ли привернуть лампу?

Кто-то из Ученых поднялся с места, и в комнате потемнело.

Лорд Азриэл начал:

— Некоторые из вас, вероятно, знают, что двенадцать месяцев назад я отправился на Север с дипломатической миссией к Королю Лапландии. По крайней мере, таков был повод для поездки. На самом деле цель моя находилась севернее, уже во льдах, — я намеревался выяснить, что случилось с экспедицией Груммана. В одном из последних донесений Груммана Германской Академии говорилось о некоем природном явлении, наблюдающемся только на Крайнем Севере. Я намерен был исследовать его и одновременно выяснить все, что можно, о Груммане. Но первый снимок, который вы увидите, не связан прямо ни с тем ни с другим!

Он вставил слайд в рамку и опустил в фонарь. На экране появилась круглая фотограмма, в резких контрастах черного и белого. Снимок был сделан при полной луне: на среднем плане черная хижина среди снегов, с толстым слоем снега на крыше. Рядом — целый строй фило-